

Сожаление Альфы:
Возвращение преданной Луны

GoddessKM GoddessKM

**Сожаление Альфы:
Возвращение преданной Луны**

«China Literature»

GoddessKM G.

Сожаление Альфы: Возвращение преданной Луны /
G. GoddessKM — «China Literature»,

Содержание

Глава 1: Возвращение Героя: Моя Альфа	5
Глава 2: Отвергнутый всеми	8
Глава 3: Будущий наследник	11
Глава 4: Предательство	14
Глава 5: Приглашение на ужин	17
Глава 6: Та, что никогда не была своей	19
Глава 7: Луна лучше, чем она	22
Глава 8: Вправе ли вы решать?	25
Глава 9: Причина ненависти	28
Глава 10: Спаривание	31
Глава 11: Любовь или ненависть?	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сожаление Альфы: Возвращение преданной Луны

Глава 1: Возвращение Героя: Моя Альфа

– Луна! Луна! Мы только что получили донесение с передовой – война окончена!!!

Тяжёлые шаги Гаммы Леви гулко отдавались в коридоре, пока он торопился к кабинету Луны, где Аддисон с головой ушла в отчёт о производстве зерна на их ферме. Взволнованный голос её Гаммы раздался ещё из глубины коридора, прежде чем он достиг двери.

Её рука дрогнула, и сердце, казалось, на миг остановилось, пока она осознавала услышанное.

«Война окончена?»

В этот миг в её сознании промелькнуло лицо, заставив сердце пропустить удар, а её саму захлестнула волна счастья и неверия. Она вскочила со стула, и тяжёлое деревянное сиденье с оглушительным стуком рухнуло на пол позади неё. Но всё, что она слышала, – это звон в ушах и слова её Гаммы, эхом отдававшиеся в мыслях.

Широкая, беззаботная улыбка расцвела на её лице – та, что не появлялась уже много месяцев, – и под усталостью и измождённостью проступил юношеский блеск. Хотя ей было всего лишь немного за двадцать, испытания войны состарили её не по годам, и она выглядела гораздо старше, чем была на самом деле.

– Это правда?! – Лицо Аддисон озарилось взволнованной, тёплой улыбкой, пока она с нетерпением ждала, когда её Гамма подойдёт к ней с запечатанным письмом – тем, что пришло с передовой с их почтовыми птицами.

Гамма Леви ничего не сказал. Вместо этого он протянул письмо Аддисон, позволяя ей самой прочесть новость. Его взгляд смягчился, когда он посмотрел на неё – женщину, с которой он работал все эти три года, чтобы удержать стаю на плаву, пока их Альфа и большинство воинов сражались на передовой.

Хотя и звучало впечатляюще, что Луна Аддисон стала опорой их стаи, в действительности никто из её членов её не уважал.

Ведь, помимо её управленческих навыков, её волк был слаб; она даже не могла перевоплощаться в свою волчью форму, и её считали омегой. Однако её статус был на самом деле ниже, чем у омеги, поскольку она даже не могла перевоплощаться, что делало её почти безволчьей.

И что хуже всего, их Альфа ушёл сразу после завершения церемонии метки; он даже не остался, чтобы спариться с ней, что лишь показывало, как сильно он её презирал.

Но Аддисон ничего не могла с этим поделать; это был брак по расчёту. Все эти три года она оставалась в стае, собирая осколки и медленно поддерживая всех, в то время как над ней насмехались и смотрели свысока.

Ей не к кому было обратиться; единственным, кто относился к ней довольно хорошо, был её Гамма, который помогал ей не сойти с ума от всей тяжёлой работы и боли, что ей приходилось терпеть.

Ни разу её пара, её Альфа, не отправил ей сообщения, чтобы узнать, как у неё дела. Каждое послание, что он отправлял, было адресовано Гамме Леви с просьбами о провизии для поддержки войны против вампиров, которые терроризировали границы и убивали оборотней, словно скот.

Читая письмо, подтверждающее их победу в войне и отступление вампиров на свои земли, она задержала взгляд на словах, вызвавших в ней бурю эмоций: Зион, её пара и Альфа, возвращался.

Она провела пальцами по слову «Возвращается» и почувствовала, как её сердце забилося чаще, а счастье нахлынуло, словно обрушившаяся волна, прежде чем она снова посмотрела на своего Гамму.

– Моя пара возвращается, – тихо прошептала она, и её голос сорвался, а на глаза навернулись слёзы.

Аддисон не могла по-настоящему ненавидеть свою пару, несмотря на всё пренебрежение, которое она терпела. В конце концов, он её пара, и связь пары свяжет их воедино, заставляя их сердца тосковать друг по другу и любить друг друга.

Она верила, что, когда они снова встретятся, у неё появится шанс растопить его холодное сердце, и они смогут постепенно разрешить свои разногласия и недопонимания.

– Гамма, Леви, давайте устроим банкет, чтобы поприветствовать нашего Альфу, нашего Героя! – взволнованно сказала Аддисон, выходя из своего кабинета.

Её шаг почти перешёл в бег; она подсчитала, что раз письмо прибыло только что, то Альфа и его свита уже недалеко и прибудут с минуты на минуту.

Она хотела первой встретить их с улыбкой и устроить самый пышный и душевный приём, какой только могла предложить своей паре и своей стае.

Получив её приказ, Гамма Леви почти сразу ушёл, чтобы помочь омегам подготовить банкетный зал к прибытию Альфы. Тем временем Аддисон направлялась к границе их стаи, где уже собрались люди в ожидании Альфы. Все были взволнованы и надеялись увидеть своих близких.

Аддисон протолкнулась в самый первый ряд. Невдалеке она увидела силуэты приближающихся оборотней, за которыми клубилась пыль. Сердце Аддисон дрогнуло, когда она почувствовала связь со своим Альфой.

«Он там!» – подумала она, и её глаза заблестели от надежды и предвкушения, а сердце замерло в груди.

Когда свита приблизилась, она подняла руку, чтобы помахать своей паре, но вдруг застыла, остановив движение на полпути. Она заметила, как за волчьей формой её пары на ветру развеваются длинные золотистые локоны и виднеются изящные ноги.

«К-кто эта женщина?»

Аддисон почувствовала, как сжалось её сердце, а глаза расширились. «Это моё место», – тихо пробормотала она. Спина оборотня предназначена только для его пары, и позволить кому-то противоположного пола сидеть на своей спине означает признать его своей парой.

Аддисон думала, что больше уже быть не может, но когда свита подошла ещё ближе, она заметила, что женщина, сидящая на спине её пары, была беременна, и её живот уже заметно округлился.

Это означало, что она была беременна уже довольно давно и родит через несколько месяцев. Аддисон почувствовала, как её сердце разлетается на осколки, особенно когда услышала, как члены её стаи взволнованно зашептались при виде этого.

– Наш Альфа, должно быть, нашёл свою предначертанную пару! Скоро мы увидим первого наследника Полночной Речной Стаи!

– Ха-ха-ха! Должно быть, это наша будущая Луна, а не какая-то омега, которая только и умеет, что пользоваться ситуацией!

– Это лишь вопрос времени, когда Альфа разорвёт свою связь пары с этой омегой и отвергнет её. В конце концов, женщина на его спине, должно быть, его предначертанная пара, его истинная пара! – Люди вокруг Аддисон ухмылялись, даже не пытаясь скрыть свои насмешливые взгляды, открыто обсуждая своего Альфу прямо перед ней.

Аддисон почувствовала, как всё её тело задрожало, а маска спокойствия начала трескаться, пока она слушала их слова.

Её сердце разлеталось на миллион осколков, но она должна была быть гостеприимной хозяйкой. Как Луна, это была её обязанность и её работа.

Вскоре Альфа Зион достиг их, и Аддисон шагнула вперёд с улыбкой, которая была хуже плача.

– С возвращением, Альфа Зион! – Однако, когда она поприветствовала их, Альфа Зион просто прошёл мимо, словно даже не заметив её. Воин позади него скопировал отношение к их Луне, и все они проигнорировали её, направляясь к дому стаи.

Когда они достигли главного входа в зал, Альфа Зион остановился, и с помощью своего Беты они осторожно спустили беременную женщину с его спины.

– Я быстро омоюсь и вернусь. Пожалуйста, присмотрите за ней; она на позднем сроке и носит детёныша. Если с ней что-нибудь случится, вас ждут серьёзные последствия! – Голос Зиона, прозвучавший через ментальную связь, был угрожающим, каким он бывает лишь у пары, защищающей своего избранника.

Своими холодными, безразличными глазами он впервые посмотрел на Аддисон. У неё перехватило дыхание от предвкушения, но слова, которые она услышала, когда он отправил ей личное ментальное сообщение, разбили её сердце ещё сильнее.

– Присмотрите за ней и моим детёнышем. – Тон Зиона был полон насмешки, когда он небрежно упомянул, что детёныш в животе женщины – его, лишь для того, чтобы увидеть, как Аддисон сломается.

И он действительно преуспел в том, чтобы разбить её сердце на миллион осколков. Аддисон пыталась держаться, но все игнорировали её, приветствуя незнакомку; даже Зион, отвернувшись, чтобы уйти, не удостоил её вторым взглядом.

В этот миг Аддисон почувствовала себя более одинокой, чем за все три года, что она трудилась на благо этой стаи.

«Неужели так трудно растопить их холодные сердца? Неужели им так невозможно принять меня? Это потому, что я слаба? Или это просто ненависть, и они всё ещё винят меня?» Аддисон хотелось плакать, она чувствовала, как тяжёлый камень давит на грудь, мешая дышать, но слёз не было.

P.S. Всем привет, и добро пожаловать в «Сожаление Альфы: Возвращение Преданной Луны»! Надеюсь, этот роман вам понравится!

Глава 2: Отвергнутый всеми

Услышав это из его собственных уст, Аддисон почувствовала, как её мир рухнул, но не смогла даже пискнуть, когда боль охватила её тело.

После долгой разлуки их связь пары ослабла, но даже при этом она всё ещё чувствовала боль в сердце, а по щеке скатилась одинокая слеза.

Однако никто не обращал на неё внимания; даже её пара уже развернулся в своей волчьей форме и направился вверх.

Что ещё хуже, бывшая Луна, ненавидевшая её так же сильно, как и Альфа Зион, прошествовала к беременной женщине с распростёртыми объятиями и приветливой, нежной улыбкой, заставшей на лице.

«Здравствуй, ты предначертанная пара моего сына? Входи! Позволь Маме проводить тебя внутрь», – взволнованно сказала бывшая Луна, нежно потянув женщину в банкетный зал. Все окружили её, а та продолжала нежно поглаживать свой живот, одаривая всех прекрасной улыбкой.

Её золотые локоны сочетались с медово-карими глазами, которые, казалось, светились на солнце, и из-за этого все обожали её ещё больше.

Поскольку все хотели быть поближе к той женщине, они даже не заботились о том, что толкают и отпихивают Аддисон с дороги. Из-за этого Аддисон упала на землю, и гравий впился ей под кожу, заставив её поморщиться от боли.

Все почувствовали металлический запах крови и на мгновение остановились, чтобы посмотреть на неё, но вместо беспокойства на их лицах отразилась лишь насмешка.

«Какой слабый оборотень».

«Как такая слабачка может быть оборотнем, не говоря уже о Луне?»

«Думаете, она нарочно это делает, чтобы привлечь наше внимание?»

«Ха! Размечталась!»

Мгновение спустя все снова стали ухаживать за беременной женщиной, и празднование вокруг них возобновилось. Взгляд беременной женщины на мгновение задержался на лице Аддисон, после чего она широко улыбнулась. В её глазах промелькнул торжествующий блеск, и она позволила остальным вести её, игнорируя Аддисон, всё ещё лежавшую на земле.

Аддисон поморщилась: её колени и ладони были содраны, и она чувствовала гравий, застрявший в коже.

«Л-Луна!» – сердце Гаммы Леви чуть не выпрыгнуло из груди, когда он увидел Аддисон, жалко лежащую на земле, её раны заживали слишком медленно. Выражение его лица помрачнело. Он вытянул указательный палец, ноготь которого заострился, превратившись в коготь. Медленно и осторожно он принялся вытаскивать гравий, впившийся ей в кожу, и из ран снова просочилась свежая кровь.

Аддисон вдруг почувствовала, как на неё давит тяжёлый взгляд. Инстинктивно она подняла голову к четвёртому этажу дома стаи и встретила с холодными, безразличными глазами своей пары.

На короткий миг он безэмоционально посмотрел на неё. Затем, без колебаний, отвернулся и задернул шторы.

«Наверное, он подумал, что пострадала та женщина, которую он привёл», – подумала Аддисон, но одна только мысль об этом заставила её сердце сжаться от боли. Это было похоже на пытку, и всё её тело задрожало, когда она почувствовала, как боль расползается по ней, ведь связь пары медленно разрушалась.

Для разрушения связи пары не требовалась физическая измена; без достаточной эмоциональной и физической близости связь пары постепенно сгнивала, становясь их мучением.

Не говоря уже о случаях, когда партнёр изменял физически – тогда боль была настолько сильной, что могла свести с ума, а то и привести к смерти, особенно если один из пары ставил метку другому, всё ещё состоя в связи с прежним партнёром.

Три долгих года Аддисон страдала от этой боли, и, в отличие от Альфы Зиона, который мог выносить её благодаря своей Крови альфы, Аддисон повезло меньше. Её тело было лишь немного сильнее человеческого, поэтому эта мука не раз чуть не лишила её жизни.

Единственным, кто знал о её страданиях, был Гамма Леви, и только благодаря ему ей удавалось пережить те ночи, ведь исцеление Луны – специализация Гаммы.

«Л-Луна, не плачьте...» – раздался в её ухе нежный голос Гаммы Леви. Сама того не осознавая, Аддисон уже плакала, вспоминая все страдания, которые ей пришлось пережить.

И как раз тогда, когда она подумала, что с возвращением её пары у неё наконец-то появится шанс начать всё сначала, оказалось, что он привезёт с собой беременную женщину.

«Леви...» – не успела она ничего сказать, как с её губ сорвался стон: она снова почувствовала, как сжимается сердце – знакомая пытка, которую она испытывала почти каждый день на протяжении последних трёх лет, что была парой Альфы Зиона.

Гамма Леви гладил Аддисон по спине, чтобы успокоить её, но это почти не облегчало её боль. Лишь через некоторое время боль утихла, и Леви закончил вытаскивать гравий из-под кожи Аддисон.

Когда они направились в оживлённый банкетный зал, все уже поднимали тосты за беременную женщину, которая лишь потягивала апельсиновый сок. Бета Грег обслуживал её с уважением и вниманием, а бывшая Луна болтала с ней, держа её за руку.

Аддисон ослабела от боли и с покрасневшими от слёз глазами хотела поскорее сесть.

Однако место Луны рядом с Альфой было отдано беременной женщине. Аддисон прикусила нижнюю губу, пытаясь сдержать слёзы, и направилась в конец стола. Рядом с ней сел только Гамма Леви, в то время как остальные её игнорировали.

Аддисон сглотнула ком, подступивший к горлу, отчётливо чувствуя себя чужой и нежеланной гостьей за главным столом.

Когда Зион вернулся, уже в человеческом облике и одетый во всё чёрное, он вошёл в зал и заметил одиноко сидящую Аддисон. Его лицо помрачнело от неодобрения, но он молча прошёл на своё место, не сказав ни слова.

Было неясно, был ли Зион недоволен тем, что Аддисон сидела за главным столом, всё ещё рядом с ним, или просто тем, что ему вообще пришлось её видеть.

«Что она опять удумала? Прикидывается жалкой, чтобы вызвать сочувствие?» – мысленно хмыкнул Зион, сузив глаза. Но его волк, Шура, вызывающе зарычал, что ещё больше вывело его из равновесия.

«Чего тебе теперь, Шура?» – раздражённо потребовал Зион, поскольку настроение волка передалось ему, усиливая его собственное раздражение.

Но Шура, его волк, молчал, лишь вызывающе зарывав, прежде чем отступить в самые глубокие уголки сознания Зиона.

Взгляды Зиона и Аддисон на мгновение встретились, и в этот мимолётный миг его холодный, бесчувственный взгляд пронзил её насквозь, заставив затаить дыхание. Аддисон почувствовала, как волна слабости захлестнула её тело, словно из неё выкачали все силы. Её сердце мучительно сжалось. Прошли годы, а Зион по-прежнему относился к ней с холодом, полным ненависти и безразличия.

Этот единственный, душераздирающий взгляд длился недолго, но его было достаточно. Он быстро перевёл глаза на женщину рядом со своим стулом.

Взгляд Зиона потеплел, когда он обратил на неё внимание – разительный контраст с холодом и безразличием, которые он только что проявил к Аддисон.

Острая боль снова пронзила её, и глаза Аддисон затуманились от непролитых слёз, но она не позволила им упасть, сдерживая их изо всех сил.

Она опустила голову, чтобы скрыть боль в глазах, и сделала вид, что ест, но её руки дрожали, и она стиснула зубы, чтобы сдержать рыдание, готовое сорваться с губ.

Зион лениво опустился на стул, приняв расслабленную позу. Не успел он устроиться, как к его губам поднесли вилку с мясом.

Его брови удивлённо изогнулись, и на миг его обычно безразличное выражение лица смягчилось. В глазах промелькнула редкая нежность – теплота, почти граничащая с обожанием.

Аддисон уловила это краем глаза, нерешительно подняв взгляд. Такого взгляда она никогда не видела у Зиона – о нём она лишь слышала от других.

В частности, Гамма Леви часто говорил о теплоте Зиона – о том, как стая любила Альфу, как его харизма и лидерские качества притягивали к нему людей. Он всегда был добр и заботлив к окружающим, но для Аддисон эта нежность всегда казалась чем-то далёким, тем, что она и представить себе не могла.

Но сейчас, наблюдая за тем, как Зион общается с женщиной рядом с ним, ошибиться было невозможно – нежность, которую он ей оказывал, была такой очевидной, такой естественной.

Его глаза искрились весельем и нежностью, и сердце Аддисон скрутило от боли. Ей казалось, что в этот момент она стала невидимой – Луна, которой пренебрегли и от которой отмахнулись.

Она, которая должна была сидеть рядом со своей парой, теперь осталась на заднем плане, в то время как Зион открыто осыпал вниманием другую женщину. Этот жестокий контраст был подобен пощёчине на глазах у всех.

В животе у Аддисон сжался тугой узел – тяжёлое, болезненное ощущение, похожее на удар под дых, неприятное и удушающее. Её сердце ныло с каждой секундой.

Даже Гамма Леви, казалось, затаил дыхание, его взгляд нервно метался к главе стола, пока перед ними разворачивалась эта сцена.

Было ясно, что окружающих Зиона это зрелище ничуть не смущало, словно они уже привыкли к подобному. В воздухе раздавался смех, сопровождаемый шутивными поддразниваниями в адрес Альфы за его внимание к женщине.

«Хватит кормить только меня. Может, дашь побольше детенышу?» – поддразнил Зион женщину.

«Ты устала? Хочешь отдохнуть в покоях альфы?» – добавил он, не сводя с неё нежного взгляда. Однако Аддисон, услышавшая предложение Зиона, побледнела и взглянула на них.

Глава 3: Будущий наследник

Казалось, они и не пытались скрыть свои действия, открыто выставляя свою связь напоказ перед всеми и намеренно усугубляя боль Аддисон.

Насмешка в их голосах была безошибочной, и она больно ранила в наступившей тишине.

Подчиненные Зиона, казалось, наслаждались тем, как он ворковал с женщиной, а сама женщина с энтузиазмом кормила Зиона, ее жесты были почти слишком нарочитыми, словно они оба пытались порисоваться перед всеми.

Каждое слово и действие ощущалось как намеренный укол в адрес Аддисон, делая правду мучительно ясной.

Голос женщины, мягкий, но полный игривого упрека, прозвенел: «Зион, тебе нужно поесть. Ты нес меня на руках всю дорогу от передовой до своей стаи, и я знаю, ты вымотан».

«Ты даже отдал больше половины своего пайка, чтобы я и детеныш были сыты». Ее слова, пронизанные тонким, но безошибочным смыслом, повисли в воздухе. Каждый слог, казалось, говорил о многом, а невысказанные мысли делали все ясным для всех присутствующих.

«Что касается отдыха в покоях Альфы, мне стоит этого избегать. Они расположены на верхнем этаже дома стаи, и мне будет неудобно там находиться, ведь я на позднем сроке беременности».

Затем женщина замолчала, словно о чем-то напряженно размышляя, прежде чем продолжить. «Но я бы очень хотела, чтобы ты поселил меня на этаже не слишком высоко и не слишком низко, чтобы я могла видеть землю, где ты вырос».

Все члены стаи переглянулись с понимающими взглядами, прежде чем на их лицах расплылись улыбки.

Если раньше они лишь строили догадки, то теперь, когда эти слова сорвались с губ Клэр, а Зион не возражал, это действительно означало, что детеныш в животе Клэр – будущий наследник их Полуночной Речной Стаи. Настроение у всех стало радостным, и они продолжили поднимать тосты за Зиона и Клэр.

Будучи оборотнем, Аддисон, как и все в зале, обладала острым слухом и слышала каждое слово, произнесенное женщиной.

Каждое предложение было словно лезвие в ее груди, а ком в горле становился невыносимым. Ее сердце скрутило от агонии, и тяжесть опустилась на грудь, когда правда ударила по ней с болезненной ясностью.

Теперь она не могла даже притвориться глупой и не понимать, о чем говорят за столом. Она также не могла закрыть на это глаза; все ее тело дрожало, пока она с трудом дышала, пытаясь осознать все эти ошеломляющие откровения, обрушившиеся на нее.

Она сжала подол своей одежды так, что костяшки пальцев побелели, но боль в ладони была ничем по сравнению с болью от угасающей связи пары, которая терзала все ее существо.

«Клэр, не беспокойся обо мне», – сказал Зион мягким, но твердым голосом. Он наколот на вилку еще один кусок жареной курицы, аккуратно отрезал его и осторожно положил на тарелку Клэр. «Просто ешь и заботься о детеныше».

Он продолжал откинувшись сидеть на стуле, когда добавил: «Я распоряжусь, чтобы твою комнату приготовили. Позже тебя кто-нибудь проводит туда отдохнуть, а завтра я выведу тебя погулять». Глаза Зиона сияли теплотой.

«Хорошо, тогда я слушаюсь Зиона», – ответила Клэр, ее голос был легким и полным нежности. «Я тоже буду есть больше, чтобы детеныш родился здоровым и сильным». Она тихо хихикнула, и этот звук был мелодичным и теплым.

Для всех, кто наблюдал, Клэр сияла, как солнце, от любви к детенышу в своем животе и к Зиону. Она даже не пыталась этого скрыть; она наслаждалась заботой Зиона, и ее намерение быть с ним было очевидным.

Она даже открыто заявила Аддисон о своих правах на Зиона. Хотя никто не упоминал при ней Аддисон, она поняла, что Аддисон была избранной парой Зиона. В конце концов, она видела метку Зиона на шее Аддисон, которая покрывала почти всю ее шею.

Хотя стая питала большое уважение к связи пары и правилам оборотней, знание о том, что скоро родится наследник, перевесило все их оставшиеся мысли об этих правилах и связи пары.

В конце концов, Зион был последним наследником Полночной Речной Стаи после смерти своего отца, и его трехлетнее отсутствие держало всех в напряжении, ведь все знали, что его жизнь всегда будет в опасности, пока он сражается на передовой.

Все в стае знали, что Аддисон и Зион так и не соединились после церемонии метки. Зион ушел на поле боя почти сразу после этого, не оставшись даже на инаугурацию Аддисон как Луны.

Его поспешный отъезд был ясным сигналом о его намерениях. Теперь известие о том, что Зион станет отцом, принесло стае чувство облегчения и даже счастья, но это также затмило чувства Аддисон и связь пары, которая все еще сохранялась между ними.

С их точки зрения, жертвы Аддисон были лишь естественной частью ее роли в стае, однако будущее стаи оставалось их главным приоритетом. Они начали рассматривать возможность того, что Зион может разорвать связь пары и официально отвергнуть Аддисон.

И они верили, что это пойдет только на пользу их стае, поскольку считали Аддисон слишком слабой, чтобы быть их Луной.

Более того, стало до боли очевидно, что Зион не собирался соединяться с Аддисон. Он отказывался прикасаться к Аддисон, и расстояние между ними со временем только росло.

Мать Зиона, бывшая Луна, бросила короткий взгляд на сына, услышав слова Клэр. Она молча наблюдала за ним, но Зион никак не отреагировал. Он продолжал сидеть, развалившись на стуле, в ленивой позе, пока Клэр без помех ела.

Зион закрыл глаза, на его лице было написано изнеможение. Он не был полностью сосредоточен на словах Клэр; он улавливал лишь обрывки сказанного ею.

Его ответы основывались на тех обрывках, что он слышал, но мыслями он был в другом месте. Усталость от битв тяжким грузом давила на него.

«Альфа, ты в порядке?» – мысленно связался с Зионом Бета Грег, заметив, что его взгляд был немного расфокусирован.

«Да, все та же старая проблема», – ответил Зион по связи, его голос звучал устало.

После месяцев непрерывных боев у него почти не было времени на отдых. Ночи были особенно тяжелыми из-за засад вампиров; их атаки были жестокими и часто случались именно тогда, когда он только-только начинал урывать несколько мгновений сна.

Некоторые вампиры даже забавлялись с воинами, играя в жестокие игры, прежде чем нанести свои смертельные удары.

Одно лишь воспоминание об этих травмирующих событиях мгновенно портило настроение Зиона.

Постоянный звон отдавался в его ушах, заглушая большую часть окружающего мира. Именно поэтому он не в полной мере воспринял все, что сказала Клэр; вместо этого он просто притворился, что слушает, отвечая так же, как и всегда.

И все же, несмотря на смятение внутри, он испытывал странное чувство спокойствия, когда смотрел на Клэр. Возможно, это жизнь, растущая внутри нее, приносила ему умиротворение – символ надежды на будущее как для него, так и для стаи.

В то время как на другой стороне стола царили смех и беззаботные подшучивания, сторона Аддисон оставалась тяжелой от уныния и одиночества. Никто не осмеливался сесть с ней, кроме Гаммы Леви, и именно тогда болезненная правда укоренилась в ее сознании: людские сердца непостоянны.

Но, возможно, она ошибалась; эта стая не принимала ее с самого начала, и все они считали, что она не заслуживает этого положения.

Сказать, что Аддисон это не ранило, было бы ложью. Она делала все, что могла, чтобы помочь этой стае в трудные времена.

Она не ожидала, что они будут почитать ее, но хотела лишь немного уважения, однако даже этого ей не дали. Все, что сейчас происходило за столом, было пропитано неуважением.

«Это мой долг перед их стаей», – повторяла себе Аддисон, пытаясь удержать последние остатки решимости. Боль в груди была невыносимой, но она не могла просто уйти, не сейчас, не тогда, когда она была так многим обязана Сиону и стае.

В этот момент Аддисон почувствовала себя одинокой, как никогда прежде.

Даже связь с ее волком исчезла.

Она не могла перевоплощаться, и, что хуже всего, не могла говорить со своим волком.

Ей не к кому было обратиться, не было никого, кто мог бы понять мучительную боль, которая медленно затягивала ее в удушающую тьму. Каждый вдох казался тяжелее, каждый удар сердца – напоминанием об изоляции, в которой она оказалась в ловушке.

«Луна Аддисон, пожалуйста, не накручивайте себя. Должно быть, здесь что-то большее, чем мы знаем. Позвольте мне выяснить, что на самом деле происходит...» – тихо сказал Гамма Леви, ободряюще похлопав Аддисон по спине.

Но пока он говорил, он вдруг ощутил нацеленное на него угрожающее присутствие и застыл. Он инстинктивно огляделся, но не увидел ничего необычного.

Однако грызущее его беспокойство не проходило. Холодный пот выступил на спине, глубокая, невидимая угроза давила на него.

Он страхнул это ощущение, полный решимости сделать все, что в его силах, чтобы помочь Аддисон, даже если это означало оказаться посреди растущего разлома между его Альфой и Луной.

Сердце Аддисон больше не могло выносить боль от вида своей пары так близко с кем-то другим, в то время как он игнорировал ее, притворяясь, что ее не существует. Она прикусила губу и извинилась. «Прошу прощения, у меня есть дела». Но даже тогда никто не ответил, словно ее никто не слышал.

Сион продолжал заботиться о женщине, которую привел, нежно поглаживая ее по голове и бросая самодовольный взгляд на Аддисон.

Глава 4: Предательство

Аддисон с головой ушла в работу, надеясь, что это поможет заглушить боль, медленно поглощавшую её сердце. Когда спустилась ночь, никто не связался с ней и даже не послал мыслесвязь, оставляя её в полном одиночестве, словно её отрезали от всех.

Но она отогнала эти мысли и сосредоточилась на текущих задачах, продолжая работать в кабинете с тихой решимостью.

Аддисон вернулась в свои покои на четвёртом этаже лишь глубокой ночью, как и всегда.

Но сегодня она замялась перед дверью, чувствуя, как в груди нервно трепещет. Эта комната больше не была только её, она делила её с Альфой. Она понятия не имела, как теперь с ним общаться, особенно учитывая, что им впервые предстояло делить одно пространство.

Аддисон простояла в коридоре почти полчаса, борясь со своей неуверенностью. Наконец набравшись решимости, она толкнула дверь, но её встретил лишь вид их огромной, пустой комнаты.

В комнате было тихо, холодно, и в ней не было запаха её пары. Его отсутствие было разительным, болезненным напоминанием о том, что Зион даже не удосужился почтить своим присутствием их супружеское ложе с момента своего возвращения.

– А чего я, собственно, ожидала? – тихо прошептала Аддисон сама себе, опуская голову. Её голос слегка дрожал.

Хоть она и прожила в этой пустой комнате многие годы, сегодня ночью она казалась холоднее и пустынее, чем когда-либо прежде.

С тяжёлым сердцем она бесцельно побрела по дому, надеясь, что простая прогулка успокоит её мечущиеся мысли и утомит её достаточно, чтобы уснуть, не ощущая давящего на неё груза.

Когда Аддисон дошла до второго этажа, до её ушей донёсся кокетливый женский стон.

– Ах! Зион, помедленнее! Ты навредишь детёнышу! Ах! Мммм... – Её тело застыло от этого звука, дыхание перехватило.

Комната находилась рядом с лестницей, и дверь была слегка приоткрыта, усиливая интимные звуки. Сердце Аддисон болезненно заколотилось в груди, и её окатила волна ледяного ужаса. Она оцепенела, почувствовала дурноту, словно её окатили холодной водой.

– Я... я... – тихо пробормотала Аддисон, но слова прозвучали пусто. Она больше не могла обманывать себя, но ей не хватало смелости встретиться с ними лицом к лицу.

Мысль о том, чтобы предстать перед ними, зная, что она, скорее всего, потеряет контроль и набросится на них, ужасала её.

«Так вот почему его не было в комнате... он с другой». Из её горла вырвался горький смешок, тихий и побеждённый, когда на неё обрушился груз осознания. Беспомощность разлилась по венам, а в груди воцарилось глубокое чувство поражения.

Её поглощала боль, но она не могла пойти к ним – «у неё не было права».

Страх, что она может потерять контроль, причинить боль той женщине или, что ещё хуже, лишить её жизни и увеличить свой долг перед Зионом, парализовал её.

Её разрывало на части, внутри бушевала буря противоречивых эмоций. Единственное, что она могла – это бежать. Не раздумывая, она бросилась вон из дома стаи, и ноги сами понесли её к лесу, а из глаз хлынули слёзы.

Она ненавидела эту уязвимость, ненавидела, как её предавали слёзы, которые она не могла остановить, как бы ни старалась. Боль в груди была невыносимой. Она так чертовски усердно трудилась, стольким пожертвовала ради стаи и ради Зиона, и всё лишь для того, чтобы застать его в объятиях другой.

«Пока я сражалась за эту стаю, он там трахает её, а ко мне даже прикоснуться не может».

«Можно ли унижить меня ещё сильнее?»

Глядя сквозь пелену слёз, Аддисон неслась по лесу, а её сердце бешено колотилось.

Хотя она не могла полностью перевоплощаться, у неё всё ещё был доступ к силе и целебным способностям её волка – ровно настолько, чтобы оставаться в безопасности. Это было слабым утешением, напоминанием, что её волк не исчез полностью, а лишь... был разобщён с ней.

Связь ощущалась истрёпанной, далёкой, но она всё ещё была – словно тихий шёпот на задворках сознания, молящий, чтобы его услышали.

– Когда ты вернёшься? Я так по тебе скучаю... – рыдала Аддисон на бегу, и её голос дрожал от отчаяния.

Она попыталась достучаться до своего волка, но в ответ была лишь оглушительная тишина.

Она даже не могла вспомнить имя своего волка, имя спутницы, которую когда-то знала так хорошо. Но это было неважно. Важно было то, что теперь она была совсем одна, потеряна без неё.

Аддисон остановилась, лишь когда ноги больше не держали её, и в полном изнеможении рухнула на землю. Она оказалась на небольшой поляне, залитой бледным светом полной луны. Там она окончательно сломалась, и её рыдания эхом разносились в ночной тиши, когда на неё обрушился весь груз её одиночества.

Но даже тогда она не могла заставить себя усомниться в Лунной Богине. Глубоко внутри она знала, что это не её вина. И всё же это не облегчало сокрушительную боль и чувство несправедливости. Для оборотня его пара и стая значили всё – всё, кроме собственной жизни.

Но теперь Аддисон осталась без стаи, которую могла бы по-настоящему назвать своей, и даже её пара, Зион, отвернулся от неё.

«Неужели это та цена, которую я должна заплатить, чтобы погасить свой долг?» – снова спросила она себя, хотя и не чувствовала всей той остроты предательства, которую испытывают другие оборотни в паре, когда их связь разрушается неверностью. И всё же знать, что Зион трахает другую, было больно само по себе.

Её связь с Зионом ощущалась надломленной с того самого момента, как они незавершённо пометили друг друга; она не могла в полной мере чувствовать его как свою пару, словно какая-то часть их связи была разорвана.

Она не знала, благодарить ли ей эту неполную связь за то, что та защитила её и не позволила ощутить жестокую отдачу от предательства связи пары, когда один из партнёров спит с кем-то другим.

Мучительная боль пронзает их тела, словно им разрывают животы, а каждый нерв пронзают иглами. Тех, кому удавалось выжить, эти мучения часто доводили до безумия.

Но даже если её тело и разум были избавлены от этой боли, то сердце – нет. Она чувствовала, как её сердце пронзили ножом, как оно дико сжималось, будто его дёргали и тянули.

Однако даже без жгучей боли его неверности, их связь пары продолжала увядать и разрушаться, оставляя её в постоянной агонии. И всё же на этот раз, когда он лежал в объятиях другой женщины, она не чувствовала ничего, кроме душевной боли.

– Почему?! Ну почему?! Разве я сделала недостаточно?

– Разве моих жертв недостаточно?

Сквозь рыдания она могла лишь слабо вопрошать, выражая чувства, которые долгое время подавляла. Она всегда думала, что, если будет стараться изо всех сил, то сможет, по крайней мере, получить от Зиона благодарность.

Даже если он не простит её, она надеялась, что он хотя бы попытается понять её, и они смогут жить нормально, как другие.

– Разве я недостаточно страдала? – слабо пробормотала она сквозь рыдания, задыхаясь от собственного бессилия.

Она почувствовала, как внутри шевельнулся её волк; это было слабо, но он был там. «Ты утешаешь меня?» – спросила Аддисон, поджав губы и сдерживая слёзы. Однако плотину прорвало, её захлестнул поток мыслей и эмоций, и она плакала, пока не выплакала все слёзы.

«Пора отпустить».

Внезапная мысль повисла в её сознании, подобно застывшему порыву ветра. Её рыдания резко прекратились, но тут же она вспомнила слова Зиона, сказанные перед его уходом на поле боя.

Воспоминание было таким свежим, будто всё случилось лишь вчера, и Аддисон неконтролируемо задрожала от страха, ведь она всё ещё так живо помнила, каким свирепым выглядел Зион, когда говорил это.

– Я оставлю тебя доживать свой век в одиночестве. Я позабочусь о том, чтобы ты мучилась и чувствовала боль от того, что у тебя есть пара, которая испытывает к тебе отвращение и скорее трахнет кого-то другого, чем твою жалкую задницу. До самой смерти ты будешь страдать. Я заставлю тебя страдать и молить о том, чтобы в тот день умерла именно ты.

Глава 5: Приглашение на ужин

На следующий день солнце ослепительно пробивалось сквозь шторы. Она не помнила, когда уснула прошлой ночью, но, насколько она помнила, она задремала в лесу, проплакав всю ночь.

Но сейчас...

Она огляделась и увидела, что снова находится в Люксе Альфы. Она была озадачена, но уловила знакомый запах.

Лимон и мёд, она сразу поняла, кто принёс её обратно. «Гамма Леви».

Улыбка тронула её губы, но глаза выглядели тусклыми и безжизненными. Гамма Леви не в первый раз приносил её в комнату. Она часто засыпала в своём кабинете Луны, когда была слишком занята, чтобы вернуться отдохнуть, и иногда теряла сознание от истощения.

Хотя она знала, что Гамма Леви заботится о ней, она чувствовала ещё большую боль в сердце, потому что забота о ней должна была быть не его обязанностью, а обязанностью её пары...

Её сердце наполнилось печалью.

Хихиканье...

Отчётливое хихиканье, доносившееся из-за приоткрытого окна, привлекло её внимание, когда она медленно вставала с кровати.

«Сион! Это место невероятно красивое!» – хихикнула Клэр, игриво держась за руку Сиона. Сион тоже выглядел обеспокоенным, но в то же время потакающим, помогая ей медленно идти по каменной тропинке. Они шли со стороны цветочного сада Аддисон – сада, который она создавала и взращивала своими руками на протяжении многих лет.

«Главное, чтобы ты была счастлива. Я всегда буду с тобой, сколько захочешь», – притягательный и глубокий смешок Сиона щекотал слух Аддисон; он был нежным и тёплым.

Аддисон отсутствующе смотрела из окна на Сиона и Клэр. Он был потрясающе красив: высокий и сильный, со здоровой кожей медового оттенка, иссиня-чёрными волосами и поразительными изумрудными глазами. Его точёные черты делали его красивое лицо мужественным и в то же время царственным.

Рядом с ним Клэр была словно дуновение весны – полная жизни, сияющая и пленительная. Её золотистые локоны развевались на лёгком ветру, а медово-карие глаза сверкали, когда она улыбалась под солнцем. Вместе они выглядели до непринуждённости идеальной парой.

Она не знала, как долго за ними наблюдала, но внезапно Сион, казалось, почувствовал её взгляд и посмотрел вверх, на Люкс Альфы на четвёртом этаже. Его холодные, пронзительные глаза встретились с её, и тепло, которое он излучал мгновение назад, исчезло, сменившись жгучей ненавистью и даже отвращением. Он и не пытался скрыть своих эмоций: его губы скривились в оскале, пока он продолжал прожигать её взглядом.

«Сион, всё в порядке?» – мягко спросила Клэр, положив руку ему на грудь, чтобы успокоить. Сион взял её руку, его пальцы крепче сжали её, но его взгляд не отрывался от Аддисон. Бросив на неё последний презрительный взгляд, он позволил своему голосу, сочащемуся презрением, угрожающе проскользнуть в сознание Аддисон через их ментальную связь.

«Даже не думай что-либо выкинуть, пока я здесь. Просто молчи и веди себя так, будто тебя не существует», – угрожающе прорычал голос Сиона по ментальной связи, его тон был пронизан предостережением.

Бросив последний яростный взгляд, он резко отвернулся, и тёмная аура, исходившая от него при виде Аддисон, исчезла так же быстро, как и появилась. Повернувшись обратно к Клэр, он смягчился, и теперь в его взгляде читалась виноватая мольба.

«Прости, Клэр. Я вспылел – я не хотел напугать тебя или детёныша», – мягко сказал Зион, всё ещё держа руку Клэр и успокаивающе поглаживая её волосы. Его прикосновение смягчило её испуганное выражение лица, и всё его внимание было сосредоточено на ней, не обращая внимания на застывший взгляд Аддисон из окна наверху.

Аддисон поняла, что её щёки мокрые, только когда слёзы капнули на её руку, лежавшую на подоконнике. Резкий контраст в том, как Зион обращался с ней и с Клэр, ранил слишком глубоко, чтобы это можно было скрыть. Казалось, будто её сердце вырвали из груди и разорвали на части прямо у неё на глазах. Она подавляла рыдания, заставляя себя молчать, боясь ещё больше спровоцировать гнев своей пары.

Как и требовал Зион, Аддисон молчала, погрузившись в работу и боясь покидать свой кабинет. Она опасалась, что может услышать или увидеть нечто, что сломает её окончательно.

Боль от того, что её собственная пара снова и снова разбивала ей сердце, была почти невыносимой. Она подумывала уйти, но, хотя их связь и казалась неполной, притяжение пары никуда не делось – могущественная сила, которую она не могла просто игнорировать или отключить.

Она не могла понять, почему Зион, казалось, был к ней совершенно невосприимчив, в то время как она сама изо всех сил пыталась сопротивляться притяжению их связи. Это было похоже на пчелу, которую неудержимо тянет к цветку. Она боялась, что, если ослабит бдительность, то поймает себя на том, что смотрит на Зиона, как влюблённая дурочка, чем только ещё больше его разозлит.

Прошла неделя с тех пор, как Зион и воины вернулись, но он ни разу не пришёл к ней. Он ни на день не отходил от Клэр, окружая её неослабной заботой.

Каждая попытка Аддисон приблизиться к Зиону наталкивалась на резкую критику, даже на глазах у стаи – никакой пощады. Чтобы не поддаться притяжению связи пары, она укрылась в своём кабинете, прячась, как трусиха, и пытаясь защититься от боли.

«Может быть, его ненависть ко мне, его отвращение, достаточно сильны, чтобы заставить его подавить свои чувства. Даже связь пары... не может до него достучаться», – подумала Аддисон, и тихий стон сорвался с её губ, когда острая боль печали пронзила её сердце от одной этой мысли.

Её мысли прервал стук.

«Войдите».

«Луна Аддисон, Альфа приглашает вас на ужин в обеденный зал», – вошедшая омега почтительно поклонилась, хотя и отводила взгляд. Аддисон едва это заметила, слишком поглощённая мыслью о том, что её пара действительно пригласил её поесть с ним.

«Он сказал что-нибудь ещё?»

«О-он сказал... что вам следует надеть что-нибудь красивое».

Сердце Аддисон пропустило удар и было готово выпрыгнуть из груди от этого намёка. Она слышала, что, как бы пары ни старались держаться порознь, их всегда будет тянуть друг к другу.

«Это его способ помириться со мной?» – подумала она, и в её груди затеплился огонёк надежды. Но с наступлением вечера ей предстояло пожалеть, что она не обратила больше внимания на то, как ей это сообщили.

Если бы только она это сделала, подумала она, возможно, ей не пришлось бы так сильно страдать.

Глава 6: Та, что никогда не была своей

Как ей и велели, Аддисон надела что-то нарядное – платье, которое она берегла, в надежде, что однажды сможет надеть его перед Зионом на тихом ужине вдвоём.

Она и представить не могла, что этот день наступит так скоро. Умывшись и одевшись, она нанесла лёгкий макияж, чтобы скрыть усталость на лице.

Как только она вышла из своей комнаты, она тут же почувствовала, что что-то не так.

Во всём доме стаи царила торжественно-мрачная, почти зловещая тишина.

Пока она шла по коридору к обеденному залу, её охватывало растущее чувство тревоги. Ладони крепко сжались в кулаки, выдавая нервозность. Остановившись перед высоченными дверьми, она сделала глубокий вдох, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце.

Когда она распахнула дверь, её встретил не тот изысканный романтический ужин, который она себе вообразила. Вместо этого, шагнув вперёд, её взору предстало море людей, одетых в чёрное. В самом центре сидела Клэр в белом платье и изящно промокала глаза платком.

В тот миг, как Аддисон вошла, все головы повернулись к ней. В комнате повисла ошеломлённая тишина, и все с широко раскрытыми глазами уставились на неё в шоке и неверии.

Аддисон в полной мере осознала ситуацию, лишь когда её сердце бешено заколотилось в груди. У неё перехватило дыхание, а ресницы дрогнули, когда её взгляд встретился со взглядом Зиона, сидевшего во главе стола с лицом, потемневшим от ярости.

Атмосфера в зале была тяжёлой от горя, мрачной и серьёзной, а некоторые даже плакали. Было ясно, что они поминали павших воинов, чья память тех, кто погиб на войне.

Возможно, это следовало сделать давно, но только сейчас их Альфа был здесь, и война наконец закончилась, дав им возможность оплакать свои потери.

Многие уже никогда не вернутся домой, и не было тел, которые можно было бы похоронить, остались лишь жестокие воспоминания о воинах, разорванных вампирами на куски, словно тряпичные куклы.

Во главе всего этого Альфа Зион вёл церемонию, утешая скорбящие семьи. Как его Луна, Аддисон должна была стоять рядом с ним, исполняя свою роль и оказывая поддержку.

Но вместо этого рядом с ним стояла Клэр, взяв на себя обязанность, по праву принадлежавшую Аддисон.

Что ещё хуже, Аддисон не просто пренебрегла своими обязанностями, но и была одета в яркое красное платье – неуместный контраст на фоне всеобщего траура.

Вместо того чтобы утешать, казалось, она пришла сюда праздновать, что было не совсем далеко от истины. Выражение её лица лишь усилило тяжесть испепеляющего взгляда Зиона.

Такое неуважение так разозлило Зиона, что он, поднимаясь с места, тут же угрожающе зарычал. «Что ты, по-твоему, делаешь?» – спросил он, делая шаг к Аддисон.

Не успел он сделать и шага, как Клэр вцепилась в руку Зиона. Её голос, дрожащий от горя, прерывался тихими всхлипами, словно она скорбела вместе со всеми. Контраст между двумя женщинами был разительным: одна, окутанная скорбью, утешала всех, как истинная Луна, в то время как другая опоздала и явилась в наряде, которому не место в траурном зале.

Разница была очевидна, и вскоре члены стаи обратили своё презрение на Аддисон. Для них она стала идеальной мишенью, на которую можно было выместить свою боль, недовольство и гнев.

По залу пронёсся шёпот, становясь всё громче, и презрение к Аддисон стало уже невозможно игнорировать. Никто больше даже не пытался скрыть своего пренебрежения, в открытую высказывая свои упрёки, будто её здесь и не было. Их откровенное неуважение душило.

Не успел Зион даже задать ей вопрос, как заговорила Клэр. Её голос был мягким, но с тщательно выверенными нотками скорби. «Зион, не будь с ней слишком суров», – сказала она, бросив на Аддисон мимолётный, жалостливый взгляд.

«Я уверена, она не хотела проявить неуважение к павшим... Возможно, это моя вина. Может, моё присутствие заставило её почувствовать угрозу, и она выбрала сегодняшний день, чтобы утвердить свою власть над тобой – напомнить всем о своём верховенстве. Т-тебе следует утешить её».

«В конце концов, она твоя Луна, а я... я...» – Клэр позволила своему голосу затихнуть, так и не закончив фразу. Ей и не нужно было. Невысказанные слова повисли в воздухе, позволяя каждому додумать остальное. Домыслы распространялись по залу со скоростью лесного пожара.

Клэр на самом деле хотела, чтобы все поверили, что, будучи нынешней парой Зиона, Аддисон всё ещё носит титул Луны, по крайней мере, пока.

И из-за этого у Клэр не было иного выбора, кроме как отойти в сторону, пока не в силах ни оспорить положение Аддисон, ни высказать своё мнение. Но именно этого она и хотела, чтобы они думали.

Поступая так, она исподволь разжигала негодование по отношению к Аддисон, подталкивая членов стаи начать их сравнивать.

Ей не нужно было и пальцем шевелить, потому что, как только их гнев разрастётся, именно они станут убеждать Зиона отвергнуть Аддисон.

В конце концов, роль Аддисон всегда была лишь формальностью, браком по расчёту. Она была слабой.

Теперь, когда Зион вернулся, в ней больше не было нужды. Стая и её территория, естественно, вернутся под командование Зиона, а Аддисон – не более чем номинальная фигура, и рядом с ним ей больше не останется места.

Затем, прерывисто вздохнув, Клэр опустила взгляд и прошептала: «Зион, я... я просто уйду...» – её голос сорвался, и с её губ сорвалось одинокое рыдание, отчего она показалась ещё более хрупкой и убитой горем.

Аддисон ещё и рта не успела открыть, как настроение в комнате полностью обернулось против неё. Клэр в очередной раз настроила всех против неё, не произнеся ни единого прямого обвинения.

Члены стаи, и без того эмоционально истощённые горем, ухватились за собственные выводы. Увидев, как Клэр, милая и самоотверженная Клэр, доведена до слёз и бормочет об уходе, их сочувствие сменилось гневом.

Со всех сторон на Аддисон впились свирепые взгляды. Для них она больше не была их законной Луной. Она была злодейкой, пытающейся прогнать женщину, которую они уже успели полюбить.

«Аддисон, если у тебя есть проблемы, разбирайся со мной напрямую. Зачем нападать на беременную женщину? Неужели ты настолько мерзкая, что опускаешься до нападков на слабых?» – ухмыльнулся Зион, его голос был пропитан холодной яростью.

Его челюсти сжались, когда он свирепо посмотрел на неё, не скрывая своего отвращения. Аддисон никогда ему не нравилась, но после этого спектакля остатки терпения, которые у него ещё были, полностью иссякли.

В его сознании Шура, его волк, протестующе зарычал. Зверь царапал ментальные барьеры Зиона, борясь за господство, и его ярость отражала ярость самого Зиона. Эта внутренняя борьба делала Зиона ещё более раздражительным, а его терпение висело на волоске.

«Я... я не знала...» – смогла лишь слабо прошептать Аддисон, её голос едва слышался в удушающей атмосфере зала. Она огляделась, чувствуя, как враждебность стаи давит на неё, как никогда прежде.

За те три года, что она их вела, они никогда по-настоящему не уважали её как свою Луну, но, по крайней мере, из чувства долга следовали её приказам.

Их презрение всегда присутствовало, но было молчаливым, скрытым, но никогда ещё оно не было таким открыто враждебным. Никогда ещё у неё не было ощущения, что она стоит одна в окружении скалящих клыки волков.

Её грудь сжалась от внезапного осознания. Может, это Гамма Леви всё это время защищал её, сдерживая их презрение. Но теперь... где он? Она обыскала комнату взглядом, но его нигде не было. Холодный озноб пробежал по её спине. Она была в изоляции. Уязвима.

И члены стаи, некогда просто державшиеся на расстоянии, теперь приближались, их взгляды были острыми, а шёпот становился всё громче. Казалось, они хотели утопить её в своём презрении, задушить одним лишь своим числом.

Впервые Аддисон почувствовала себя их добычей.

Аддисон не сдвинулась с места, но в глубине души каждая клеточка её существа кричала ей бежать, спастись от удушающей тяжести их презрения.

Но больше всего её ранил взгляд Зиона. Холодный. Пренебрежительный. Словно она была никем. Обжигающая сила его презрения ощущалась как раскалённый нож, рассекающий её кожу и вонзающийся прямо в сердце.

Она отдала всё этой стае. Жертвовала. Вела. Сражалась. И всё же они так и не приняли её по-настоящему. Только сейчас, стоя посреди их враждебности, она в полной мере осознала, что никогда здесь не была своей.

Для них она была чужачкой. Самозванкой, не имеющей права стоять рядом с их Альфой.

На неё навалилась тяжёлая усталость. Она устала, устала от бесконечных попыток, устала из кожи вон лезть, лишь бы заслужить место среди них.

Устала быть той, кто всегда всё понимает, всегда терпит. Но кто когда-нибудь попытается понять её? Кто встанет на её сторону?

Она устала надеяться, устала мечтать, лишь для того, чтобы снова и снова смотреть, как эти мечты разбиваются вдребезги прямо у неё на глазах.

Она была истощена – физически, умственно и эмоционально. Тяжесть всего этого давила на неё, удушающая и неумолимая. Она чувствовала, что сражается в этой битве в полном одиночестве.

Если Зион и воины, ушедшие на войну, считали, что только они пожертвовали больше всех и перенесли все тяготы ради победы, то они ошибались.

Аддисон вела свои собственные битвы – тихие, невидимые, но не менее изнурительные. Она взвалила на себя бремя поддержания стаи на плаву, обеспечивая их выживание и одновременно поддерживая Зиона издалека.

Она неустанно трудилась, чтобы обеспечить их припасами, чтобы ему никогда не приходилось беспокоиться ни о чём, кроме самой войны. И всё же, стоя здесь и сейчас, окружённая презрением и обидой, она понимала, что всё это, казалось, никогда не имело значения.

Глава 7: Луна лучше, чем она

Всё это время она старалась изо всех сил, терпела и жертвовала собой, потому что верила, что в долгу перед стаей и Альфой Зионом. Но теперь, оглядываясь назад, она задавалась вопросом, а должна ли она была на самом деле нести это бремя.

Когда она заняла место Луны, стая уже была на грани краха. Они потеряли своего бывшего Альфу, отца Зиона, и пока вся стая была погружена в горе, на передовой, недалеко от их границ, бушевала война.

Расположение на краю территории оборотней, вплотную к землям вампиров, никогда прежде не было поводом для беспокойства.

Полуночная Речная Стая была второй по силе стаяй, уступая лишь королевской семье, которую благословила сама Лунная Богиня.

Как стражи границы, они были неприступным щитом.

Но внезапная смерть их Альфы нанесла сокрушительный удар по Полуночной Речной Стае. Многие из их ключевых воинов пали вместе с ним на поле боя, оставив стаю уязвимой, обезглавленной и на грани гибели.

И в разгар всего этого хаоса вмешалась Аддисон – не потому, что жаждала власти, не потому, что хотела этой ответственности, а потому, что кто-то должен был удержать стаю от распада.

После его смерти некоторые из союзных стай начали выходить из альянса, отвернувшись от Полуночной Речной Стаи в самый уязвимый для неё момент.

Что ещё хуже, эти так называемые союзники воспользовались отсутствием бывшего Альфы, разорвав сотрудничество и прекратив поставки провизии, которую они были обязаны предоставлять.

Полуночная Речная Стая никогда не занималась земледелием и не производила себе пропитание. Вместо этого они полагались на охоту и охрану границ, обменивая дичь и ресурсы, добытые на вампирской территории, на всё необходимое у других стай.

И поскольку их территория располагалась у границы, у них был договор с соседними стаями: в обмен на защиту соседние стаи ежемесячно поставляли им свои лучшие товары, включая зерно, вино, продукты животноводства и другие ценные ресурсы.

Этот порядок поддерживался веками, став неотъемлемой частью образа жизни Полуночной Речной Стаи.

Эта система обеспечивала их существование на протяжении поколений. Но кто бы мог подумать, что одна-единственная трагедия – внезапная смерть их Альфы – разрушит до основания весь их жизненный уклад?

Оставшись без поддержки, их стая значительно ослабла и была вынуждена бороться за выживание, столкнувшись с предательством и покинутостью.

Как только Аддисон стала Луной, она посвятила себя тому, чтобы сделать стаю самодостаточной, основав собственную ферму. Одновременно она работала над восстановлением союзов с другими стаями.

Однако это было далеко не просто: из-за недостатка силы другие не хотели воспринимать её всерьёз.

Более того, во время войны провизия была важнейшим ресурсом, и другие стаи были больше озабочены сохранением собственных запасов, нежели помощью ослабевшей стае во главе с новоиспечённым Альфой, который только-только достиг совершеннолетия.

Она столкнулась с сильным презрением со стороны соплеменников, ведь ничего подобного раньше не делалось. Живя на приграничной территории, они никогда даже не пытались торговать, не говоря уже о земледелии.

Членов стаи всегда растили как воинов, что делало их невосприимчивыми к переменам. Аддисон пришлось приложить неимоверные усилия, чтобы убедить их работать с ней.

Лишь когда им стало не хватать провизии, что добавляло их Альфе на передовой беспокойства и подвергало его настоящей опасности, остальные наконец-то начали следовать её указаниям. Этот путь был для неё отнюдь не лёгким.

Но она и Гамма Леви последние три года старались изо всех сил. И всё же она подвергалась насмешкам со стороны соседних Альф, которые издевались над самой мыслью о том, что Омега может возглавлять стаю. Их презрение лишь усугубляло стыд и обиду её соплеменников, заставляя их относиться к Аддисон с ещё большим пренебрежением.

Теперь, после всех перенесённых ею невзгод, эти же самые люди, казалось, забывшие о её жертвах, смотрели на неё так, словно она была самым презренным и бесполезным членом стаи.

Но Аддисон была всего лишь человеком. Сколько бы она ни пыталась терпеть, у неё тоже был свой предел. И теперь, размышляя о трёх годах, которые она потратила на сохранение единства этой стаи, она осознала, что сделала достаточно. Она уже отдала свой долг бывшему Альфе.

«Думаю, мне пора уходить».

Эти слова неустанно отдавались эхом в сознании Аддисон. По крайней мере, одно она о себе знала точно: она была упряма. Ей приходилось быть такой. Иначе как бы она смогла сохранить единство стаи, когда никто не слушал её без презрения? Несмотря на свою слабость, она выстояла.

Но теперь, отдав три года своей жизни этой стае, вытерпев постоянные муки от разрушающейся связи пары с Альфой Зионом, настрадавшись и бесчисленное множество раз оказываясь на грани смерти, она поняла – с неё хватит.

Теперь, когда Альфа Зион нашёл свою предначертанную пару и ожидал рождения наследника, уйти в сторону было единственно верным решением. Хотя это и причиняло боль, Аддисон знала, что больше не может цепляться. Лучше покончить со страданиями сейчас, чем позволить боли разрастись и поглотить её без остатка.

Но думать об уходе и сделать это на самом деле – две совершенно разные вещи. От одной лишь мысли об этом её сердце протестующе сжималось, а скручивающая нутро боль была почти невыносимой.

И всё же она ничего не могла поделать. В её душе шла война между сердцем и разумом, и они разрывали её на части. Но хотя бы раз ей нужно было подумать о себе. Годами она была самоотверженной, отдавая всё, что имела, пока не осталось ничего. Она достигла своего предела.

«Хватит так хватит».

– Аддисон!!! Чёрт тебя дери! Не испытывай моё терпение! – взревел Альфа Зион.

Комната задрожала, когда его аура Альфы взметнулась, и от его тела стала исходить сокрушительная сила. Стёкла мгновенно разлетелись вдребезги, а члены стаи инстинктивно попятились, покорно склонив головы. Неистовая сила его гнева вырвала Аддисон из раздумий, вернув её в настоящее.

Её взгляд резко метнулся к её паре, и она увидела, что он уже на пределе, его терпение стремительно иссякало. В любой момент он мог потерять контроль и впечатать её в стену.

«Но с Клэр он бы так никогда не поступил», – прошептала мысль в сознании Аддисон.

И всё же именно Аддисон, не сделавшая ничего плохого, стала объектом его гнева.

– Я и не испытываю! – выпалила Аддисон, сама не заметив, как повысила голос.

Боль от их разрушающейся связи пары раздирала её, но страх? Она его почти не чувствовала. Может, потому, что он был её парой, потому что, несмотря ни на что, всё ещё оставалось знакомое чувство, извращённое подобие утешения, смешанное с бурей противоречивых эмоций.

Зион шумно выдохнул через ноздри, с трудом сдерживая растущее раздражение. Шура ничем не помогал: его волк закатил истерику у него в голове, делая Аддисон лёгкой мишенью для срыва.

– Тогда вернись и переоденься! И перед уходом извинись перед Клэр. Ты три года была моей Луной и до сих пор не знаешь, как исполнять свои обязанности? Клэр справляется с этим лучше, чем ты когда-либо.

Глава 8: Вправе ли вы решать?

Его небрежные слова хлестнули, как кнут, пробудив ярость, которую Аддисон, сама того не осознавая, подавляла.

Она убедила себя, что отпустила неуважение, презрение, удушающий гнёт каждого упрёка и оскорбления, но, возможно, это было не так. Возможно, она лишь похоронила всё это глубоко внутри, подавляя до этого самого момента.

Словно давно спящий вулкан, она взорвалась, и жгучая ярость в её груди наконец вырвалась на свободу.

От смеси боли и гнева всё её тело дрожало. Она могла бы понять, если бы её пара смотрел на неё свысока из-за того, что она была слаба, а её волк не откликался, но ставить под сомнение её качества как Луны и то, что она якобы не знала, что делает? С этим она смириться не могла.

Она знала, что сделала всё, что могла, и всё же у кого-то хватило наглости усомниться в ней, будто все её старания на благо стаи ничего не значили по сравнению с тем, что сделала Клэр.

Охваченная яростью, Аддисон, которая всегда держала свои эмоции под контролем, наконец сорвалась. Впервые с тех пор, как она присоединилась к стае, она позволила своему гневу вырваться наружу.

– Тогда давай разорвём нашу связь пары и отвергнем друг друга! Так ты сможешь сделать Клэр своей официальной Луной!

Её грудь яростно вздымалась и опадала, дыхание сбилось от ярости. Глаза горели красным огнём от чистого, неприкрытого гнева. Никто никогда не видел, чтобы Аддисон так теряла контроль – никто никогда не слышал, чтобы она повышала голос, и не был свидетелем того, как вспыхивал её нрав. Весь зал погрузился в ошеломлённое молчание, глаза присутствующих расширились от шока.

– Что ты сейчас сказала?!

Ярость Альфы Зиона вспыхнула, как лесной пожар, его гнев взорвался в одно мгновение. В мгновение ока он оказался перед Аддисон, его рука сомкнулась на её горле, и он впечатал её в стену.

Её ноги повисли в воздухе, а по залу пронеслось его рычание. Его глаза сверкнули золотом, он едва сдерживал своего волка. Его ногти уже удлиннились и вонзились в её кожу, превращая шею в кровавое месиво. Резкий металлический запах крови наполнил воздух, густой и удушающий.

– Только посмей повторить, – прорычал Зион. Его горячее дыхание опаляло лицо Аддисон, а взгляд впивался в неё.

Но она не отступила. Впервые она не уступила своей паре, встретив его огненный взгляд без содрогания.

Вкус крови заполнил рот – горькое напоминание о силе Зиона. Он забыл – забыл, насколько она хрупка, что её сила лишь ненамного превосходила силу обычного человека. Его удар обрушился на неё со всей мощи, и её истерзанное тело отчаянно боролось с болью.

И всё же, хоть зрение затуманилось, а тело кричало от агонии, она отказывалась показывать слабость. Это был последний осколок достоинства, который у неё остался, и она не позволит ему отнять и его.

– Я сказала, давай...

Прежде чем Аддисон успела закончить, Альфа Зион издал яростный рёв, и его ярость разразилась, словно шторм. Одна лишь сила этого рёва заставила стёкла в зале разлететься на тысячи осколков. Клэр в ужасе закричала, инстинктивно съёжившись и прикрыв голову руками.

Она ожидала, что Зион бросится к ней, чтобы утешить и поддержать, как он всегда делал, но в этот раз он даже не шелохнулся. Казалось, он не видел и не слышал ничего, кроме Аддисон. Её слова безжалостно отдавались эхом в его сознании, разжигая огонь, бушующий в груди. Его дыхание было прерывистым, а взгляд прикован к ней с хищной одержимостью.

Но, несмотря на бушующую перед ней бурю гнева, Аддисон не отступала, её упрямый взгляд оставался непоколебим. Это лишь сильнее разожгло ярость Зиона. Он смотрел на неё так, словно хотел поглотить её целиком.

– Как ты смеешь такое говорить? Ты забыла, чем обязана мне и моей стае?! – прорычал Зион сквозь стиснутые зубы, и в его голосе прозвучало предупреждение.

Его хватка едва заметно усилилась – напоминание Аддисон, чтобы она знала своё место и помнила о своём долге.

Раньше этих слов было бы достаточно, чтобы заставить её замолчать. Она бы склонила голову, проглотила гордость и напомнила себе, что слишком многим им обязана, чтобы сопротивляться. Но не в этот раз.

В этот раз Аддисон встретила пылающий взгляд Альфы Зиона прямо, не дрогнув и полная решимости.

– Я прекрасно знаю, чем обязана тебе и твоей стае, – сказала она, её голос оставался ровным, несмотря на сокрушительное давление на горло. – Но я исполнила свою роль твоей преданной Луны. Я сделала всё, что могла, чтобы восстановить и возродить твою стаю в твоё отсутствие. И я считаю, что одного этого достаточно, чтобы погасить мой долг.

Она задышалась, хватая ртом воздух, рука Зиона сжималась всё сильнее, но даже когда кислорода стало не хватать, она отказывалась позволить ему увидеть свою слабость. Не сейчас. Никогда.

Альфа Зион оскалился, и его насмешка резала, словно нож. – Думаешь, это тебе решать, что достаточно, а что нет? Нет, Аддисон, ты себя переоцениваешь.

Он наклонился ближе, его горячее дыхание коснулось её кожи, и он произнёс, чеканя каждое слово с леденящей душу бесповоротностью. – Ты принадлежишь мне. И в жизни, и в смерти ты – моя. И умрёшь ты как моя Луна.

Его заявление волной шока прокатилось по стае. Никто не ожидал, что их Альфа откажется отпустить Аддисон. Но никто из них не принял его слова за проявление любви.

Все они знали правду: Зион хотел оставить Аддисон не потому, что дорожил ею. Он хотел держать её рядом, чтобы сломать, чтобы наблюдать за её страданиями. Для него её боль была представлением, медленной мстостью, питавшей его жестокость. Он будет выставлять напоказ свою симпатию к другой женщине, пока Аддисон, скованная угасающей связью пары, будет чахнуть в агонии от их разорванного союза.

Зион, возможно, тоже страдал, но благодаря своей Крови альфы он мог это выдержать. Аддисон же была другой. Она была слаба. Лишена волка.

И для неё эта боль была не просто невыносимой – она могла свести её с ума.

При мысли об этом члены стаи ухмыльнулись, их взгляды, полные презрения и извращённого удовлетворения, остановились на Аддисон. Перенаправить на неё свою ненависть было проще, чем признать правду. Они удобно игнорировали жертвы, на которые она пошла, и то, как она боролась за их выживание. Для них всё это не имело значения.

В их головах, они бы не оказались в таком положении, если бы не она. Этой версии они придерживались – оправдание, которое им было нужно, чтобы подкрепить свою ненависть.

Никто не питал к Аддисон большей ненависти, чем бывшая Луна. Если кто и презирал её больше остальных, так это она. И теперь, когда в воздухе повисло леденящее душу заявление Зиона, презрение бывшей Луны вспыхнуло ещё ярче.

Слова Зиона заставили глаза Аддисон защипать, и, как бы она ни старалась, сдержать слёзы не удалось. Она чувствовала себя в ловушке, задыхающейся под тяжестью его слов. – Что

ты имеешь в виду? Я уже уступила тебе. Неужели обязательно заходить так далеко? – спросила она дрожащим голосом.

Выражение лица Зиона оставалось непроницаемым, но на этот раз его голос звучал тише. – А ты как думаешь?

Его взгляд проследил за тем, как слёзы стекали по её щекам и падали на его руку. В тот миг, когда он ощутил на коже тепло её слёз, он отдернул руку, словно обжёгшись. И всё же, несмотря на эту инстинктивную реакцию, его лицо оставалось холодным и безразличным – словно её боль ничего для него не значила.

Он долго смотрел на неё, а затем без предупреждения взвалил её на плечо и зашагал прочь из зала. Этот внезапный поступок ошеломил всех, и к тому времени, как они опомнились, Зион уже ушёл, а Аддисон всё ещё отчаянно вырывалась из хватки своей пары.

– Что ты творишь? Куда ты меня несёшь? – Аддисон билась в его руках, колотя кулаками по его спине. Но хватка Зиона на её талии была железной, словно стальные тиски, а его широкое плечо, впившееся ей в живот, отзывалось тупой болью во всём теле. – Поставь меня на землю! – закричала она, в бессилии дрыгая ногами.

– Чтобы преподать тебе урок... – голос Альфы Зиона был спокойным и зловещим, и он не счёл нужным что-либо добавлять. Но в этом и не было нужды – одни лишь эти слова заставили холодок пробежать по спине Аддисон, а с её лица схлынула краска.

Глава 9: Причина ненависти

Аддисон понятия не имела, какое наказание её ждёт, но знала, что не желает себе такой участи. Она чувствовала, что боль, которую она терпела все эти годы из-за разрушающейся связи пары, уже была более чем достаточной пыткой.

Если Альфа Зион наложит на неё руки, она не была уверена, что доживёт до следующего рассвета. Её охватила паника, и она в отчаянии принялась дико вырываться, но Зион оставался невозмутимым, его хватка была железной, пока он неуклонно поднимался по лестнице.

Он поднялся на несколько этажей, пока не достиг четвёртого, а затем разослал приказ по ментальной связи на всю стаю: «Никому не дозволено ступать на четвёртый этаж. Любой, кто ослушается этого приказа, будет отправлен в подземелья и получит сто ударов плетью».

Этого предупреждения было достаточно, чтобы все замерли на месте. Те, кто подумывал пойти за ним, обменялись встревоженными взглядами, их глаза были широко раскрыты от шока, после чего они нерешительно отступили.

Для оборотня порка обычно была не более чем временной болью, потому что раны быстро заживали, и боль утихала. Однако кнут, о котором упомянул Альфа Зион, был не обычным.

Он был сделан из шипов с серебряными наконечниками и предназначался для того, чтобы рвать кожу и сдирать плоть с жестокой точностью. Серебро не давало ране легко зажить и могло оставить шрамы на всю жизнь как мрачное напоминание о наказании.

Сто ударов плетью? Это был приговор, предназначенный только для предателей и пленников, наказание за самые тяжкие преступления. От одной мысли об этом у всей стаи по спине пробежал холодок, и суровость угрозы заставила всех замереть, содрогаясь при мысли о такой жестокой участи.

Бета Грег, заметив намерение Клэр последовать за его альфой по лестнице, тут же крепко схватил её за руку, отчего Клэр слегка вздрогнула. «Мисс Клэр, пожалуйста, – сказал он тоном более настойчивым, чем обычно. – Вам нельзя наверх. Мой Альфа отдал прямой приказ, что никому не разрешено подниматься на четвёртый этаж».

«Любой, кто ослушается, получит сто ударов серебряным кнутом, и вас это тоже касается. Мне жаль, но ради вашей же безопасности, особенно в вашем состоянии, вам нужно отдохнуть. Пожалуйста, позвольте мне сопроводить вас обратно в вашу комнату».

Бета Грег не стал дожидаться ответа Клэр, смотревшей на него с широко раскрытыми от недоверия глазами и слегка приоткрытым ртом. Он спокойно, мягко, но настойчиво, повёл её обратно в комнату и поставил у двери двух воинов, чтобы она не смогла выйти, что бы ни услышала.

«П-подождите, мне нужно поговорить с Зионом! Что, если он покалечит Луну Аддисон? Она же омега, разве нет?» – голос Клэр дрожал от беспокойства, пока она отчаянно пыталась его убедить. – «Позвольте мне поговорить с ним. В конце концов, вся эта заваруха началась из-за меня...»

С каждым словом Клэр презрение Беты Грега к Аддисон лишь усиливалось, но он не мог не заметить перемену в поведении Клэр. Она становилась всё больше похожа на истинную Луну: сострадательная, добродетельная и луч света в мрачной атмосфере стаи.

Однако слова Клэр были продиктованы отнюдь не бескорыстием. На самом деле её не волновала Аддисон. Правда была в том, что она боялась сильной связи между Зионом и Аддисон, того, как Зион отреагировал на предложение Аддисон разорвать их связь пары, отвергнув его с яростью, которую Клэр не могла игнорировать.

Пренебрежение, которое Зион проявил к ней ранее, когда она кричала, чтобы привлечь его внимание, а он её проигнорировал, заставило холодок пробежать по её спине. Клэр боя-

лась, что его действия были вызваны притяжением их связи пары, и не хотела, чтобы они её восстановили. Не после всего, что произошло.

Сейчас у Клэр была лишь одна цель: добраться до Зиона, чего бы ей это ни стоило. Даже если для этого придётся использовать Аддисон как предлог, она была готова на это пойти в надежде, что это заставит Зиона передумать, что бы он там ни замышлял.

Однако Бета Грег совершенно неправильно понял её намерения. Вместо того чтобы дать ей хоть какую-то возможность вмешаться, он усилил её охрану, чтобы она точно не смогла ступить на четвёртый этаж.

Он хорошо знал своего Альфу: Зион никогда не бросал слов на ветер. Если он отдавал приказ, то непременно исполнял его. Если позволить Клэр действовать без присмотра, это могло ещё больше разозлить его, и Грег не собирался так рисковать. Более того, он искренне не хотел, чтобы она пострадала.

Сама того не ведая, Клэр только что выстрелила себе в ногу. Пытаясь манипулировать ситуацией, она, по сути, загнала себя в угол – запертая в своей комнате, без возможности вмешаться.

На четвёртом этаже, едва они подошли к двери, Зион с такой силой вышиб её ногой, что дверная коробка раскололась. Ему было всё равно. Его ярость всё ещё кипела, грудь вздымалась от прерывистого дыхания, когда он вошёл внутрь. Без колебаний он швырнул вырывающуюся Аддисон на кровать, его хватка была безжалостной.

Аддисон с резким стуком ударила головой об изголовье кровати и прикусила губу, чтобы подавить болезненный вскрик. На глазах у неё навернулись слёзы, и из горла вырвался сдавленный всхлип.

Увидев её в таком жалком состоянии, Зион напрягся. На краткий миг его инстинкты взяли верх над яростью, и, не задумываясь, он потянулся, чтобы коснуться припухлости у неё на голове.

Но прежде чем его пальцы успели коснуться её кожи, Аддисон отбила его руку, собрав все оставшиеся силы. Её глаза горели яростью, дикие и необузданные, словно у львицы, которой безжалостно наступили на хвост.

Она была вне себя от ярости, всё её тело болело, и она уже не могла понять, откуда исходит боль. Та была повсюду, пронизывала до самых костей и застилала взор непролитыми слезами.

– Не трогай меня!

Эти слова вновь разожгли огонь в глазах Зиона. Та сдержанность, что начала было к нему возвращаться, мгновенно испарилась.

Быстрым, безжалостным движением он одной рукой прижал запястья Аддисон над её головой, его хватка была железной.

Другой рукой он зажал её бьющую левую ногу, а коленом придавил вторую, полностью обездвижив её. Как бы сильно она ни пыталась вырваться, её сила была ничто по сравнению с его.

Всё, что ей оставалось, – это плакать: горячие, безмолвные слёзы катились по её щекам, пока она упрямо отворачивала от него лицо.

– Я отпущу тебя, – сказал Зион, обжигая её кожу тёплым, прерывистым дыханием. – Но только если ты перестанешь устраивать сцены и примешь своё место Луны этой стаи.

Грудь Аддисон тяжело вздымалась, она дышала прерывистыми, дрожащими вздохами, но не дрогнула. «С какой стати? Я хочу уйти!» – выплюнула она, и в её заплаканных глазах горел вызов.

Челюсти Зиона сжались, выражение его лица помрачнело. «Аддисон, не испытывай моё терпение».

– Нет, Альфа Зион, с меня хватит, – прошептала Аддисон, её голос был едва слышен. – Мои тело и разум больше не выдержат этой пытки. Пожалуйста... просто отпусти меня. Твой отец не хотел бы этого.

– Заткнись к чёрту! – взревел Зион, и его голос прогремел по всей комнате. Его грудь вздымалась от едва сдерживаемой ярости. В одно мгновение его хватка изменилась – он схватил её за подбородок, заставляя посмотреть в его яростные глаза, в то время как хватка на её ногах ослабла.

– Ты смеешь упоминать моего отца? – прорычал он, сжимая пальцы. – Ты ведь чертовски хорошо знаешь, почему он умер, и у тебя хватает наглости произносить его имя передо мной? Прежде чем эта разрушающаяся связь пары заберёт твою жизнь, я, возможно, сам тебя убью.

Глава 10: Спаривание

ВНИМАНИЕ!!!

В этой главе немного больше [КОНТЕНТА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ]!!!

Глаза Аддисон наполнились новыми слезами от его жестоких слов. Но, несмотря на страх, царапавший её грудь, она держалась твёрдо.

– Да, Альфа Зион, – выдавила она, её голос дрожал. – Ваш отец спас мне жизнь от вампиров три года назад. Из-за этого он получил смертельную рану. И я пообещала ему... я поклялась помочь вам стабилизировать эту стаю в качестве вашей избранной пары, пока вы не сможете стоять на ногах самостоятельно. – Она подняла своё заплаканное лицо, встречаясь с ним взглядом. – Но если вы убьёте меня сейчас, разве это не сделает его жертву бессмысленной?

На мгновение между ними повисла тишина. Дыхание Зиона было сбивчивым, его хватка всё ещё крепкой, но что-то промелькнуло в его глазах. Что-то тёмное.

Затем, прежде чем Аддисон успела среагировать, его губы впились в её. Сила поцелуя перехватила её дыхание, её тело застыло в шоке. Никогда – ни разу – она не представляла, что такое может случиться.

Рука Зиона скользнула по её щеке, опустилась на шею и достигла воротника. Его пальцы коснулись оставленной им метки, их прикосновение задержалось, а взгляд потемнел от намерения. Он медленно отстранился, не сводя с неё своих светящихся глаз.

Треск!

– Ай! – Аддисон забилась в его объятиях, пытаясь вырваться, но её сила была ничем по сравнению с силой Зиона – всё равно что муравей, пытающийся сдвинуть валун. Её сопротивление даже не заставило его вздрогнуть, пока он продолжал рвать на ней платье.

Зион отстранил свои холодные, тонкие губы от её, оставив между ними лишь вздох пространства. Его золотые глаза горели напряжением, когда он заговорил, его голос был грубым от необузданного желания.

– Скажи, что ты не уйдёшь. – Его челюсть сжалась, мышцы дёрнулись, но хватка оставалась крепкой. – Я этого не позволю.

В нём бушевали противоречивые эмоции. Он должен был ненавидеть её – ненавидеть за то, что три года назад она стала причиной смерти его отца, за то, что оставила их стаю уязвимой, за то, что разбила сердце его матери так сильно, что это чуть её не убило.

Он должен был презирать её. И всё же с самого начала всё, что он когда-либо чувствовал, – это неоспоримое влечение к ней.

Страстное желание.

Голод.

Первобытная потребность, которая скреблась внутри, заставляя его заявить на неё права, сделать её своей парой, матерью его детёнышей. Но прошлое оставило в нём глубокую рану, создав ментальный блок, который сдерживал его инстинкты – до сих пор.

Когда-то он подозревал, что она его предначертанная пара, но реакция Аддисон была иной. Именно поэтому он покинул свою стаю и присоединился к войне, как только закончилась церемония метки. Он боялся – боялся, что, спарившись с ней, он забудет свою ненависть, что он потеряет себя в ней.

Он, прирождённый Альфа, воин, созданный для битв, был в ужасе – не от врагов, не от смерти, а от собственных чувств. Поэтому он сбежал. Сбежал от этой слабой омеги.

Как это было смешно?

Желание и ненависть сплелись в нём воедино, стирая границы между тем, что он чувствовал, и тем, что отказывался признавать.

И теперь, услышав, как Аддисон говорит, что уходит от него – разрывает связь пары, которая их соединяла, – он сорвался. Его волк сорвался. Шура взбунтовался, вырываясь из-под контроля, и впервые Зион не мог совладать даже с собой.

Нет – он даже больше не пытался остановить Шуру. Он позволил их общему желанию поглотить их.

– Аддисон, скажи, что не оставишь меня.

Его голос, неожиданно мягкий, почти умоляющий, заставил её содрогнуться. Аддисон замерла. На мгновение ей показалось, что она ослышалась. Она перестала вырываться, в шоке глядя на него. Её губы приоткрылись, но она не произнесла ни слова.

Прежде чем она успела осознать происходящее, губы Зиона снова впились в её.

Он целовал её глубоко, голодно, словно пытаясь поглотить каждый её вздох. Его левая рука нашла дорогу к её груди, собственнически сжав её. Аддисон ахнула, её тело напряглось от неожиданного прикосновения, но Зион лишь улыбнулся – медленной, довольной усмешкой.

«Вот какая на ощупь моя пара... её мягкое тело, её пьянящий аромат».

Его светящиеся глаза потемнели от желания, когда он глубоко вдохнул, наполняя лёгкие ароматом, который преследовал его во снах. Без колебаний он ворвался языком в её рот, заглушая её испуганный протест.

Аддисон неуклюже уперлась в его грудь, пытаясь освободиться, но её сила была ничем по сравнению с его. Ей нужен был воздух – нужно было подумать – но Зион не давал ей ни шанса.

И всё же... её тело предало её.

«Проклятая связь пары!» – подумала Аддисон.

Каждое прикосновение вызывало дрожь, пробежавшую по её коже, разжигая огонь, который с каждой секундой горел всё жарче. Её естество пульсировало жаром, становясь влажным от нужды.

Она ненавидела, как легко он её обезоруживал, как без усилий пробуждал в ней жажду, которую она три года пыталась подавить. Её пальцы на ногах поджались, дыхание сбилось, а разум погрузился в туманную дымку желания.

Сколько бы она ни хотела сопротивляться... её тело знало, кем он был для неё. И оно хотело его.

Зион двигался медленно, размеренно, растягивая её мучение, словно чувственную, изысканную пытку. Он ущипнул сосок Аддисон, перекатывая его между пальцами, заставляя её тело дрожать под ним.

Порочная усмешка играла на его губах, когда он оторвался от их страстного поцелуя, переключая внимание на её грудь.

Его рот накрыл один из твёрдых сосков, посасывая и дразня его языком, в то время как другая рука умело теребила и пощипывала оставленный без внимания бутон. С губ Аддисон сорвался вздох, когда волны удовольствия пронесли по ней, заставляя инстинктивно выгнуть спину.

Вместо страха перед неизвестностью её наполнило сладостное предвкушение – словно иссохшая земля, приветствующая долгожданный дождь. Каждый нерв в её теле трещал от вновь обрётённой энергии, связь пары медленно восстанавливалась с каждым прикосновением, с каждым вкусом.

– Ах!

Её крик раздался, когда Зион прикусил сосок ровно настолько, чтобы вернуть её внимание к себе, его острый взгляд впился в неё с непреклонным доминированием.

Его рука, до этого сжимавшая её талию, теперь медленно, намеренно очерчивала круги по её животу, задевая чувствительную кожу бедра.

В тот момент, когда его пальцы едва коснулись её естества, глаза Аддисон распахнулись, и к ней вернулась тень ясности.

«Нет».

Она не знала, была ли это его уязвлённая гордость Альфы, его собственническая натура, взявшая верх, или что-то более глубокое. Но всё это не имело значения. Она приняла решение. Одно лишь желание не заставит её передумать.

Собрав всю свою волю, она упёрлась руками ему в голову, пытаясь оттолкнуть его, но Зион был подобен силе природы, непоколебим. Его золотые глаза блеснули, когда он посмотрел на неё, его губы приоткрылись ровно настолько, чтобы сильнее втянуть её сосок, посылая по её телу ещё один разряд ощущений.

И тут – треск!

Безошибочный звук рвущейся ткани пронзил её резким шоком.

– Зион!..

У неё перехватило дыхание, когда его рука одним быстрым движением сорвала с неё трусики. От этого неожиданного действия она взвизгнула от удивления.

Зион ещё не закончил с ней – даже близко нет. Его пальцы медленно, намеренно водили кругами по клитору Аддисон, посылая дрожь по её спине. Тело предавало её, трепеща под его прикосновением, дыхание сбивалось, а по конечностям растекалась волна слабости.

Остатки сил покинули её, когда она вцепилась в подушку, прикусив губу, чтобы заглушить стоны, готовые вырваться наружу. Сильное удовольствие заставило её беспомощно извиваться на кровати, её тело инстинктивно искало большего.

Зион наблюдал за её реакцией с порочной, волчьей ухмылкой. Вид того, как она рассыпается под ним, лишь разжигал его голод. Без колебаний он опустил голову между её ног, его тёплое дыхание коснулось её чувствительной кожи, прежде чем его язык метнулся вперёд, дразняще и долго лизнув её клитор.

– А-ах!..

Аддисон резко втянула воздух, её тело содрогнулось от внезапной стимуляции. Но Зион не закончил. Он присосался к её клитору, с неустанным голодом вылизывая его, пока его пальцы находили дорогу к её входу.

Один палец.

Всё её тело дёрнулось, разум опустел, когда её накрыл всплеск удовольствия. Любая мысль о сопротивлении рассыпалась в прах, когда она ахнула, её губы приоткрылись в безмолвном крике. Этого было слишком много. И в то же время недостаточно. Она не знала, чего хотела, – знала лишь, что ей нужно больше.

– Ах! Ах! 3-Зион!

Она едва узнавала свой собственный голос, сбившийся и нуждающийся. По её губам и дёснам распространилось покалывание, словно крошечные искры, танцующие под кожей, переполняя её чувства.

Затем – два пальца.

Зион ввёл их в неё, изогнув как надо, выманивая стон из глубины её груди. Её спина выгнулась дугой над кроватью, руки отчаянно вцепились в простыни, пока он задавал ровный, отупляющий разум ритм, вознося её всё выше, подталкивая к краю забвения.

– 3-Зион! Ещё... – выдохнула Аддисон, её тело выгнулось, пока она балансировала на грани разрядки, а удовольствие всё туже скручивалось внутри неё. Она была так близка – так невыносимо близка.

Зион усмехнулся ей в промежность, и глубокая вибрация его голоса послала ударную волну прямо в её естество. – Хочешь ещё один палец, милая? – пробормотал он, его губы касались её клитора, пока он говорил.

Одно это ощущение заставило её вскрикнуть, её пальцы вцепились в простыни.

– Да! Да! – Слова сорвались с её губ в отчаянной мольбе. Она едва узнавала себя – её голос был сбивчивым, нуждающимся, полностью потерянным в удовольствии, терзавшем её тело.

Это было не похоже ни на что из того, что она когда-либо чувствовала. Это было всепоглощающим, захватывающим и невозможным для сопротивления. Она понятия не имела, как с этим бороться – да и как она могла? Это был её первый раз, и под умелыми прикосновениями Сиона у неё не было ни шанса сдержаться.

Глава 11: Любовь или ненависть?

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ!!!

В этой главе чуть больше, чем просто [КОНТЕНТ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ]!!!

Но вместо того, чтобы довести её до разрядки, Зион внезапно убрал пальцы, и его прикосновение исчезло, как раз когда Аддисон была на грани. Потеря ощущений вызвала в ней острую волну разочарования, и её тело задрожало от неудовлетворённой потребности.

– Тогда скажи... скажи, что не уйдёшь, – пробормотал Зион, его голос был низким и властным.

Губы Аддисон приоткрылись, но она упрямо сдержала ответ. Она надулась, отказываясь уступать, хотя боль между её бёдер была невыносимой. Тело предавало её – её нутро яростно подрагивало в знак протеста, отчаянно желая того удовольствия, которое он так жестоко отнял.

Зион, видя её упрямство, смягчил свой подход. – Дорогая, просто скажи, что не уйдёшь... и я обещаю, тебе станет ещё лучше. М-м? – Его тон стал уговаривающим, соблазнительным, хотя даже он сам удивился нежности в своём голосе.

Говоря это, он начал с нарочитой медлительностью расстёгивать рубашку, его пальцы скользили по собственной разгорячённой коже. Затем его руки переместились к ремню, и звук расстёгивающейся пряжки заставил Аддисон затрепетать.

Она не могла не смотреть на него – свою пару. Его медовая кожа поблёскивала в тусклом свете, а лёгкий блеск пота делал его ещё более опьяняющим. Его изумрудные глаза, больше не светившиеся, теперь были полны иной силы – той, что заставляла её чувствовать себя центром его вселенной. Его растрёпанные волосы добавляли опасного, непринуждённого очарования его грубоватой красоте.

И тут она увидела – её собственный сок покрывал его губы и подбородок, поблёскивая в свете. От этого зрелища всё внутри неё скрутило от новой волны жара, дыхание сбилось, а грудь вздымалась и опадала в неглубоких, частых вдохах. Её глаза затуманились, подёрнулись плёнкой непролитых слёз разочарования и невыносимого желания.

«Ох, блядь... Это безумно сексуально», – невольно промелькнула мысль в голове Аддисон.

Но когда Зион увидел, что Аддисон всё ещё не подчиняется ему, даже после смены тактики, его разочарование вспыхнуло вновь – как раз в тот момент, когда он освободил свой твёрдый член из плена брюк.

Аддисон ахнула, её дыхание перехватило, когда её взгляд проскользил по всей его длине. Он стоял, высокий и твёрдый, с набухшими венами, подрагивая в предвкушении. Её глаза расширились от неверия. «Он невозможно большой... он ни за что не войдёт».

Аддисон попятилась назад, отчаянно пытаясь увеличить расстояние между ними, но Зион схватил её за лодыжку и рванул обратно к себе. В одно мгновение он перевернул её на кровати, прижав лицом к матрасу.

Паника вспыхнула, когда к ней вернулся проблеск разума, побуждая её бороться, бежать – но Зион был неумолим. Он схватил оба её запястья и с лёгкостью сжал их у неё за спиной.

Затем, без предупреждения, он пристроился у её входа и вошёл в неё мощным толчком.

Сильная дрожь пронзила тело Аддисон, но вместо боли разряд чистого, электрического удовольствия ударил прямо в мозг. «Ах!» – громкий, гортанный стон сорвался с её губ, когда Зион притянул её ближе.

– Угх... – простонал Зион, его голос был напряжённым, когда он почувствовал, как его член оказался в тисках внутри неё. – Расслабься немного, – пробормотал он, замирая в ней. Он чувствовал, как покалывает дёсны, ощущение поднималось к макушке, а тело захлестнуло

опьяняющее удовольствие, не похожее ни на что, что он когда-либо испытывал. Его глаза трепетно закрылись, когда чувство поглотило его.

В этот момент связь пары между ними углубилась, исцеляя себя, пока они отдавались акту спаривания.

Чистая физическая химия между ними была ошеломляющей – настолько, что сопротивление Аддисон полностью растаяло. Это было притяжение связи пары, непреодолимая сила, которая обычно возникала только между судьбоносными парами.

Судьбоносные пары были тем, что люди могли бы назвать родственными душами – связанные физически, эмоционально и духовно. Их связь усиливала каждое ощущение, делая акт спаривания почти трансцендентным.

«Избранные пары», с другой стороны, больше полагались на эмоциональные узы, и между ними было лишь слабое физическое притяжение. И всё же то, что Зион и Аддисон чувствовали в тот момент, выходило далеко за рамки нормы для избранных пар. Их инстинкты бушевали, первобытные и необузданные, толкая их к чему-то более глубокому – чему-то неудержимому.

Зион начал двигаться, его толчки были медленными и осознанными, с точным контролем он бил в одну и ту же точку снова и снова. Он чувствовал каждую складку и рельеф внутри неё, когда проникал глубже, его член растягивал её, заставляя принять его размер. Каждый выверенный толчок посылал волны удовольствия по телу Аддисон, вызывая тихие всхлипы с её губ, пока её тело неуклонно поднималось к эйфории.

Она задышалась, чувствуя твёрдую выпуклость, давящую под её пупком каждый раз, когда Зион погружался в неё. Его вес прижимал её к матрасу, и давление усиливалось, обостряя каждое ощущение.

То, как толстая головка его члена скользила по её внутренним стенкам, то, как он полностью её заполнял – это было ошеломляюще, головокружительно. Её пальцы впились в простыни, пока удовольствие туго скручивалось внутри неё, а глаза закатились от чистой силы ощущений.

Затем, крепко схватив, Зион поднял её на колени, заставляя удерживать собственный вес, пока он держал её руки в собственническом захвате. Он вошёл ещё глубже, толкаясь в неё, пока его член не упёрся во вход в её матку. Сдавленный стон сорвался с губ Аддисон, её тело дрожало, когда она чувствовала, как он овладевает ею дюйм за дюймом.

– П-подожди! Э-это... слишком! – выдохнула Аддисон, её голос дрожал, пока волны интенсивной стимуляции угрожали поглотить её. Это было чересчур – её первый раз, и она чувствовала, что сходит с ума под неумолимыми толчками Зиона. Он вбивался в неё безжалостно, и каждый глубокий удар посылал разряды удовольствия по её и без того перевозбуждённому телу.

Она чувствовала, как становится невероятно влажной, её тело инстинктивно реагировало на его размер, растягиваясь, чтобы принять его, несмотря на кажущуюся невозможность этого. Такая безупречная совместимость должна существовать только между судьбоносными парами – теми, кто создан друг для друга во всех отношениях.

Избранные пары, с другой стороны, не были от природы созданы для идеальной физической совместимости; им приходилось приспосабливаться, находить свой ритм со временем. Именно этого Аддисон и ожидала – трудностей, дискомфорта, периода адаптации.

Но ничего этого не было.

Её тело не сопротивлялось. Ему не нужно было время. В тот момент, когда Зион оказался внутри неё, она приняла его с лёгкостью, бросившей вызов логике, словно всё-таки была создана для него. Их химия вспыхнула, как лесной пожар, их желания переплелись и утопили обоих в опьяняющем жаре, которому ни один из них не мог противостоять.

– Блядь! Блядь! Эдди... Эддии... – прорычал Зион, его голос был густым от похоти, когда он прижался к ней ближе. Без колебаний он вонзил клыки ей в плечо, и острая боль от

укуса пронзила её тело, смешавшись с удовольствием. Металлический запах крови наполнил воздух, тёплые капли стекали по её ключице и спине.

– Дерьмо... Мне никто не говорил, что трахать тебя так охуенно, – пробормотал он в её кожу, его дыхание было горячим и прерывистым. Но Аддисон едва ли осознала его слова – её разум давно раскололся под тяжестью чистого, неослабевающего удовольствия. Ей казалось, что она плывёт, затерявшись в ошеломляющем экстазе, который тёк по её венам.

Она даже не заметила, как Зион цеплялся за неё, его движения становились всё более отчаянными, более собственническими. Словно он слишком долго был лишён этого, словно не мог вынести мысли о том, чтобы отпустить её. Его бёдра не замедлялись, его тело таяло в её, движимое ненасытной потребностью, с которой ни один из них не мог бороться.

Зион провёл языком по свежему следу от укуса, смакуя её вкус, прежде чем притянуть Аддисон ещё ближе. Его руки обвились вокруг неё сзади, а правая рука скользнула вверх, чтобы обхватить её левую грудь.

Крепко сжав, он покатал её сосок между пальцами, вызвав у неё резкий вздох. Аддисон выгнула спину, инстинктивно подавшись навстречу его прикосновению, её тело подчинялось каждому его движению.

Его вторая рука опустилась ниже, кончики пальцев скользнули по её животу. Он чувствовал, как живот слегка выпячивается при каждом глубоком толчке – зрелище, вызвавшее в нём искру веселья. С ухмылкой он надавил на это место, приложив ровно столько силы, сколько было нужно.

Стон Аддисон пронёсся по комнате – громче, отчаяннее. Губы Зиона скользнули по её уху, и он прошептал, его голос был густым от удовлетворения: – Тебе здесь нравится, м-м?

Голос Зиона понизился до приглушённого, уговаривающего тона, когда он наклонился ближе. – Но знаешь... я думаю, я мог бы сделать так, чтобы тебе стало ещё лучше. Просто скажи, что не оставишь меня, и я позабочусь о том, чтобы удовлетворять тебя всю ночь напролёт...

Его слова повисли в воздухе, тяжёлые от чувства нужды. Он не отступал от своего, всё ещё преследуемый мыслью о том, что Аддисон уйдёт. Несмотря на его полный контроль над стаей, часть его не могла вынести мысли о её потере, о том, что она отвергнет его и ускользнёт. Ему нужно было услышать эти слова – нужно было заверение, что она останется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.